

МИХАИЛ ЧВАНОВ

КТО ТЫ, ИВАН АКСАКОВ?

8 октября нынешнего года исполнилось 195 лет со дня рождения русского поэта, писателя и публициста, общественного деятеля, лидера движения славянофилов в России Ивана Сергеевича Аксакова. Жизнь, политическая деятельность и литературное творчество этого человека представляют нам яркий образ русского национального мыслителя и борца за возвышение и просвещение русского народа. Иван Сергеевич в течение своей жизни был и рачительным государственным служащим и незаурядным поэтом, острым публицистом и известнейшим издателем национально-патриотических по своему духу газет и журналов, многие из которых подвергались преследованию и запрещению со стороны властей. Признанный во всём славянском мире Иван Сергеевич Аксаков был даже выдвинут болгарскими патриотами на пост царя Болгарии после освобождения этой страны от османского ига. Но все мысли и все труды И. С. Аксакова были обращены только к благу русского народа, способного сплотить вокруг себя всё великое общеславянское море. Отмечая юбилей И. С. Аксакова, мы видим, что задачи, поставленные им ещё в веке XIX, также актуальны и в веке XXI, когда славянский мир разобщён враждебными ему силами. Сплотить его — вот задача, переданная нам из прошлого нашим великим славянофилом. Но "...возможен ли ныне сколько-нибудь реальный славянский союз?" — задаётся вопросом писатель Михаил Чванов в предлагаемой вниманию читателя статье.

Нужно какое-то новое слово современному миру, — наше старое слово его уже не берёт, новое, — которое было бы логически связано со старым; но секретом этого нового слова я, очевидно, не обладаю...

И. С. Аксаков

Ты не можешь себе вообразить того озлобления, которым преисполнены против тебя... Каждый из них считал и считает не только священным долгом, но и величайшим наслаждением тебе сделать какую-нибудь пакость.

И. Д. Оболенский — И. С. Аксакову

Прошел великий муж по Руси — и лёг в могилу. Ни звука при нём о нём, карканьем ворон он встречен и провожен. И лёг, и умер от отчаяния, с талантом необыкновенным. Теперь, очевидно, есть феномен, но не сила.

К. Н. Леонтьев

Ни одна из надежд, ни одно из задушевных желаний Аксакова не имеет впереди себя ясного будущего...

Н. Н. Страхов

С этих горьких цитат я начинаю слово о великом печальнике Земли Русской, о великом печальнике многострадального славянства, определённого давно уже тайным мировым правительством на жертвенное ритуальное заклятие. Можно было, конечно, подобрать цитаты более оптимистические — о великом значении И. С. Аксакова для отечественной общественной мысли, для всего славянства, и это будет соответствовать действительности, но если мы хотим правды, то её определяют, как это ни горько, именно приведённые цитаты.

Он был сыном великого русского писателя Сергея Тимофеевича Аксакова, а вспоминать Ивана Сергеевича нам нужно по горькой и трагической необходимости нашей русской, нашей всеславянской, а значит, и вселенской беды, потому как и через сто с лишним лет после его смерти **Россия, всё славянство стоят не просто перед теми же, а перед гораздо более страшными, без преувеличения сказать, теперь уже конечными, задачами и пропастями**, о которых он тогда, — когда ещё было не поздно! — предупреждал.

Может быть, он вообще напрасно пытался соединить несоединимое, ведь ещё в древности мы то разбежались на западных, восточных и южных славян, и это судьбоносное для всей последующей славянской и мировой истории событие отчего-то осталось для нас покрытым мраком и тайной? И, может, мы сегодня, будучи в плену его обаяния, по инерции пытаемся склеить черепки давно разбитой или даже никогда не существовавшей чаши? Или он всё-таки приходил неслучайно и в самое время, — каждый, наверное, приходит только в своё время, ибо Бог знает, когда нам приходит, — но мы по своей русской, славянской сути, доброте-безалаберности: “Авось пронесёт...” — не захотели его услышать?

И потому — это не его, это наша общая русская, всеславянская вина и беда, которой нет прощения, — несомненно, повлияв на ход, по крайней мере, европейской истории, он стал, увы, только феноменом, но не силой. Потому что по большому счёту никто не поддержал его. Старшие славянофилы к тому времени уже ушли, сражённые что ни на есть самыми народными болезнями: чумой, холерой, к тому же они по понятным причинам занимались исключительно теоретической стороной дела. Младшие ещё не пришли, а когда пришли, тоже больше теоретизировали, не говоря уже о том, что их было мало, а позже в русской, славянской истории уже не было величины, сколько-нибудь равной Ивану Аксакову, особенно в области практического применения общеславянской идеи.

Не просто никто не поддержал великого славянофила, но, как это ни парадоксально, **официальная российская власть вместе с Государем относилась к нему с большей опаской, чем к стремительно нарождающейся революционной заразе**. Это дома, в России! А братья-славяне, благодаря ему получившие национальную и государственную независимость, кажется, вообще забыли его. Мало того, ещё стали коситься в сторону России, подзревая её в какой-то хитрости, в результате тоже нахлебались горя и крови, но так до сих пор, кажется, ничего и не поняли.

Не случайно Ф. М. Достоевский, чуть не единственный в то время единомышленник И. С. Аксакова в русском и славянском вопросе, 3 декабря 1880 года писал ему: “...не ожидайте — о, не ожидайте! — чтоб Вас поняли. Нынче именно такое время и настроение в умах, что любят сложное, извилистое, просёлочное и себе в каждом пункте противоречащее. Аксиома, вроде дважды два — четыре, покажется парадоксом, а извилистое, противоречивое — истиной. Сейчас только прочёл в “Новом времени” выписку из “Русской речи”, где Градовский учит Вас и читает Вам наставления... Мертвец проповедует жизнь, и поверьте, что мертвеца-то и послушают, а Вас нет... Но повторяю: продолжайте разяснять Вашу мысль, особенно на примерах и указаниях...”

И Бог не помешал. Не мог помешать разрыванию родства и самоуничтожению славянства, как в свое время не помешал сделать свой не только исторический, но и мистический выбор Александру Невскому и Даниилу Галицкому. Потому что, во-первых, нам дана свобода воли, и, если нас так тянет к пропасти, препятствовать Бог не станет; а во-вторых, **на нас накопилась такая гора грехов отпадения от Бога и от славянского родства, что неизбежен был в начале XX века этот русский пожар на краю пропасти**, который в то же время, если мы, наконец, осознали бы эту гору грехов, мог бы

стать очистительным. Но костёр этот полыхает над Россией до сих пор, не очищая, а, по-прежнему, сжигая нас, потому как мы до сих пор не повернулись лицом к Истине, а наоборот, всё быстрее и быстрее идём и даже бежим в противоположную сторону, к краю Бездны...

И невольно возникает вопрос: неужели, по большому счёту, как это ни горько, жертва И. С. Аксакова была напрасной?

И другой горький вопрос: чем был в то время, что представлял собой русский народ, ради которого И. С. Аксаков приходил на Землю, печальником которого стал по определению Божию, и из-за боли по которому у него не выдержало сердце?

А что представляет собой русский народ сегодня? И есть ли он вообще? Может быть, осталось лишь название? А на самом деле вместо него давно существует уже некое неопределённое народонаселение, имеющее к истинному русскому народу такое же отношение, какое, например, имеют современные греки к древним грекам? Народонаселение, которое по инерции, или для того, чтобы скрыть истину, всё ещё называют русским народом, но с неохотой, предпочитая говорить: “российский народ”? Может быть, и о значении И. С. Аксакова можно говорить лишь в прошедшем времени, чисто археологически?

Но, наверное, он всё-таки не случайно приходил на Русскую Землю! И, наверное, не случайно, что он явился миру на стыке Европы и Азии, на стыке славянского и тюркского мира, на стыке Православия и Ислама, в селе с символическим названием Надеждино под сенью храма во имя великомученика Димитрия Солунского, покровителя всех славян и, что порой забывают, – русского воинства. **Иван Сергеевич Аксаков родился в день преставления преподобного Сергия, игумена Радонежского, всея Руси Чудотворца, в земной обители которого, Троице-Сергиевой лавре, его, чуть ли не единственного из мирских, потом похоронят.** Но так как в своё время в честь Преподобного по обету называли его отца, Сергея Тимофеевича, то его сына называли Иваном, потому как назавтра был день преставления апостола и евангелиста Иоанна Богослова, любимейшего ученика Иисуса Христа. Помните замечательные строки Марины Цветаевой, русской поэтессы с трагической судьбой, родившейся в этот день: “Красную кистью рябина зажглась, падали листья, я родилась. Спорили сотни колоколов, день был субботний – Иоанн Богослов”. Сотни колоколов... вот что значил для русских людей этот день и этот святой!

Известно генеалогическое дерево Аксаковых, составленное прадедом Ивана Сергеевича: они, Аксаковы, как и другие древние русские дворянские роды, якобы восходят к варягам, а именно к рыцарю Шимону, или Симону, племяннику норвежского короля, пришедшему на Русь во времена Рюрика. Я же склонен относить это семейное предание к легенде, может, предки Аксаковых не избежали искушения быть “благородных” кровей, на Руси с Петра Первого модно было в среде явно или тайно презиравшего свой народ дворянства искать варяжские корни: пусть даже разбойник с большой дороги, но, непременно, чтобы иностранец. Но, если даже племянник норвежского короля и был, всё равно позже в западную, королевскую норвежскую кровь мощной и сильной струёй вошла другая – восточная. В конце концов, стали же они **Аксаковыми!** По историческим хроникам и летописям следует, что пошли Аксаковы, – и в том, по моему глубокому убеждению, неслучайная воля Божия, – от “татар”, а именно от некоего Ивана Аксака (*аксак (тюрк.) – хромой*); вспомним Темир-Аксака, Железного Хромца или Тамерлана, вспомним тысяцкого Ивана Калиты, сына крещёного “татарина” Вельямина, вышедшего из Золотой Орды при хане Узбеке. Кстати, предки одного из столпов славянофильства А. С. Хомякова – тоже вышли из Золотой Орды. Да и фамилия Ю. Ф. Самарина – тюркского происхождения. Великая русская семья Аксаковых, олицетворяющая собой православную, державную Россию, выразила собой истинную суть евразийства и, по-моему, лишила споры на эту тему какого-либо основания. Став символом всего русского, всеславянского, по крови своей она была больше тюркская. Глубоко промыслительно, что через несколько веков Аксаковы, потомки выходца из Золотой Орды, стали уже совершенно русскими, православными, может, даже не подозревая о своих тюркских корнях.

Но это ещё не всё. Жена Сергея Тимофеевича Аксакова, мать Ивана, Ольга Семеновна — была полутурчанкой, и не просто полутурчанкой, а из знатного рода турецких эмиров, прямых потомков пророка Мухаммада (Магомета). Несколько экспедиций было отправлено в своё время в Россию, чтобы отыскать и вернуть в Турцию его мать. Поразительный, о многом заставляющий задуматься, выстраивается ряд!..

Но вернёмся к вопросу, что представлял в пору И. С. Аксакова и что представляет собой ныне русский народ?

Чтобы дать определение понятию “русский народ”, необходимо дать определение понятию “русский”. Энциклопедические словари (не только советского времени) по какой-то причине, словно сговорившись, обходят этот вопрос. Словарь под редакцией Д. Н. Ушакова: “Русский — прил. к русские”. И — всё! А “русские” — трактуется таким образом: “Восточно-славянский народ, составляющий большинство населения СССР, великороссы”. Все вроде бы правильно, а сути нет. В качестве иллюстрации приведена строчка из Фета: “Я русский, я люблю молчанье дали мразной”. И из Пушкина: “Татьяна, русская душою, сама не зная почему, с её загадочной красою любила русскую зиму”. Из всего этого можно заключить, что русские — восточно-славянский народ, любящий молчанье дали мразной и русскую зиму. (В. И. Даль почему-то вообще обошел стороной этот вопрос). А вот как толкует понятие “русский” Советский энциклопедический словарь: “Русские, нация, осн. нас. РСФСР... Около 1 млн ч. живет в странах Америки и ок. 200 тысяч в странах Западной Европы. Язык русский. Сложились в народность в XIV–XV веках. В нацию — во вт. пол. XIX века. После Окт. рев. в ходе социалист. преобразований Р. консолидировались в социалист. нацию и вместе с др. народностями и нациями СССР образовали новую ист. общность — советский народ”.

Как это ни печально, последнее определение наиболее точно выражает нынешнее состояние русского народа. Советского Союза уже нет, а советский народ реликтивно остался, и, надо признать, это не худшая часть человечества, и потому так трудна, даже трагична его судьба — без национальной идеи, без Бога, без Веры...

Я полагаю, что энциклопедические словари деликатно обходили этот вопрос так как боялись сказать главное, что коротко и ясно выразил великий русский писатель и мыслитель Ф. М. Достоевский: **“Русский — это православный. Русский без Бога — совершеннейшая дрянь”**. И всё сводится, по сути, к одному: лиши русского человека православного чувства, — а вся история XX века сводилась к уничтожению в русском народе православного чувства, — и он становится слепым орудием в руках всевозможных мессий и революционеров, дровами и кочергой одновременно для загребания жара для чужих костров.

И этим многое объясняется в историческом поведении русского народа, что он время от времени вставал на путь самоуничтожения, в том числе в 1917 году. И этим объясняется лютая ненависть большевиков к Православной Церкви. Иначе зачем бы ее так ненавидеть — ну, нет Бога, и нет, пусть верующие тешатся, бьют лбы в своих церквях. А большевики начали своё самоутверждение именно с уничтожения Православной Церкви. **И часто народ не только не встает на её защиту, но и сам участвовал в её погроме или равнодушно наблюдал со стороны, потому что в большинстве своём он уже не был, не чувствовал себя православным, то есть русским.**

Кое-кто ныне из господ-либералов, рядящихся чуть ли не в русских националистов-патриотов, оправдывая закономерность или даже желательность развала СССР, с удовлетворением отмечают, что Россия стала наконец-то почти моноэтнической страной, так как в ней теперь проживает 85% русских (об остальных русских, оставшихся не по своей воле за ее границами, забудем?!). Увы, “русский” — давно уже, если не изначально, понятие не этнического порядка, и если принять всё-таки единственно верное определение, что русский — это православный, то **истинно русских в России ныне столь мало, что о них только с определенными оговорками можно говорить как о народе**. Только этим, наверное, можно объяснить вроде бы необъяснимое безразлично-равнодушное поведение-отношение к собственной судьбе русского народа во время так называемой “перестройки” и нового кровавого ельцинского октябрьского переворота 1993 года. Этим объясняются совсем не

редкие случаи, когда русские офицеры даже во время боевых действий на Кавказе продавали оружие чеченским бандитам, зная, что уже завтра оно будет повернуто против русских солдат, да и против них самих! Этим объясняются случаи, когда русские милиционеры за тридцать сребреников пропускали “КамАЗы” террористов со взрывчаткой в Москву...

Я бы даже сказал, что ныне русское, державное чувство более развито в этнически нерусских русских.

Я считаю правомерным дальше продолжить мысль Ф. М. Достоевского: отпавший от православия славянин – совершеннейшая дрянь. Потому что ему, кроме всего прочего, нужно доказывать, порой на бессознательном уровне, свою принадлежность к химерическому мировому сообществу. Не знаю, наверное, только этим можно объяснить ненависть католической Польши к России, только этим, наверное, можно объяснить запредельную, можно даже сказать, инопланетную жестокость католиков славян-хорватов к православным славянам-сербам.

Потому война против славянства – тоже давно уже не этнического порядка. Это – война против последних на планете, увы, уже только оазисов или даже анклавов Православия, которая как бы разлагается на несколько составных. **Это, прежде всего, – борьба против России, в которой ещё тлеет под пеплом и может возродиться Православие.** Уже практически почти уничтожена пусть маленькая, но всё равно опасная, потому как она находится в центре Европы, православная Сербия. Сильный удар по православному духовенству нанесён в Болгарии и на Украине. Не гнушаясь никакими средствами, ведётся борьба против Белоруссии, которая не только обозначила себя православной, но и ответственной за судьбу, по крайней мере, двух славянских народов, в том числе русского, очень это беспокоит “мировое сообщество”.

Без преувеличения можно сказать, что для русского народа, для славянства в целом пришли последние времена и сроки. Если окончательно будет уничтожено Православие (скорее всего, при оставлении внешней обрядовой формы), то не будет больше ни русского народа, ни славянства в целом, и никто не заметит этого, потому как ещё на долгое время “этикетки” названия народов останутся. Русский народ всегда был не моноэтническим, это, можно сказать, даже принцип его: строить себя не по крови, а по Вере, и потому русским народом (а, скорее всего – “российским”) в случае уничтожения Православия будет называться легко манипулируемый полиэтнический сброд.

И. С. Аксаков пришёл в мир на той грани славянской и русской истории, когда ситуация была ещё не столь безнадежной, когда ещё можно было что-то практически предпринять, что он доказал в случае отправки в Сербию генерала Черняева с тысячами русских добровольцев, в случае освобождения сербов и болгар от турок и в попытке организации славянского экономического учения. Тогда Россия чувствовала себя ещё православной державой, хотя в полную меру таковой уже не была: таковым, увы, оставался только простой русский народ, и потому именно он незамедлительно откликнулся на призыв И. С. Аксакова, даже вопреки правительству, уже, по сути, давно не русскому, вопреки уже откровенно не православной, а значит, не русской, сознательно или бессознательно готовящей революцию, интеллигенции, самозванно объявившей себя “совестью народа”!.. И потому не случайно, что **деньги на освобождение болгар и сербов жертвовали почти исключительно представители простого народа** да купечество, которое тогда еще не оторвалось от народной жизни. Правительство вынуждено было поддерживать народный порыв защитить братьев-славян, которые ассоциировались у народа с понятием “православные”, и без преувеличения можно сказать, что **Александр II вошёл в славянскую историю как Царь-освободитель помимо своей воли, во многом благодаря народной воле и воле И. С. Аксакова.**

Возможен и, главное, нужен ли был тогда славянский союз? Не будучи семи пядей во лбу, можно сказать, что будь тогда он, на грани XIX–XX веков, то не было бы ни Первой, ни, тем более, Второй мировой войны. Необходимость славянского союза была, как это ни парадоксально, скорее почувствована врагами, чем самими славянами, и враги славянства делали всё возможное, в том числе сея межславянскую вражду и подозрительность, чтобы дискредитировать этот союз.

Возможен ли ныне сколько-нибудь реальный славянский союз, когда славянская распря продолжается, когда многим чужие кажутся роднее своих, когда на три “государства” распалась даже Россия (пусть она называлась СССР), распалась Чехословакия, совсем недавно — Югославия, хотя этот почти молекулярный, ведущий к аннигиляции, распад как раз доказывает внутреннюю противоестественность этого распада? Сегодня ситуация более, если не сказать, совсем безнадежная: потому что больше нет притягивающей к себе, — если не всегда, то по крайней мере во время беды, — сильной России, в которой **при откровенно нерусской власти мы имеем в большинстве своем уже не православный, а значит, не русский народ**, скорее, только интуитивно ещё ощущающий себя таковым. На нынешнем этапе славянской истории легче соединить Чехию с Германией, чем со Словакией, Хорватию с Германией, чем с Сербией, Западную Украину с кем угодно, только не с Россией, и никаким древнеэтническим принцип тут не поможет.

И, возвращаясь к И. С. Аксакову, приходится вслед за К. Н. Леонтьевым с горечью констатировать, что в силу независимых от него исторических и иных обстоятельств **он мог быть только феноменом, но не силой**, потому что, не только не поддержанный, более того — саркастически осмеянный самозванно определившей себя великой, а на самом деле глубоко чуждой народу псевдорусской интеллигенцией, он боролся за русскую самобытность и славянское единство практически в одиночестве.

В результате ныне мы стоим перед гораздо более горькой и страшной реальностью, чем век назад, и **спасительный славянский союз ныне возможен только гипотетически для нескольких православных государств — и то только при коренном изменении дел в России**. Но любой шаг к объединению вызовет озлобленную реакцию тайного мирового правительства, вплоть до военной агрессии, как в Югославии. Остаётся одно, как писал И. С. Аксаков: “Для славян ныне песня одна: ждать и терпеть. И блюсти свое внутреннее славянство”.

Да, для славянства пришла пора конечных Вре́мён и Сроков, как за ними неминуемо последует пора вселенских Вре́мён и Сроков, о чём не хотят задуматься враги славянства. Что мы нужны в изгнании не только для обновления их крови.

У нас же, русских, два пути. Один — попытаться сохранить свою русскость, а это значит — православность, начать изнутри снова строить Россию. Второй: раствориться в понятии “россиянин”, как в свое время нам предлагали раствориться в понятии “советский”, смириться с положением полуколониальной страны и счастливо довольствоваться такими благами цивилизации, как сникерсы, памперсы, жевательные резинки, американские боевики и прочие атрибуты обезьяньей республики. В каком-то смысле второй путь более благополучен для народа, точнее, уже народонаселения, мировое зло, справедливо приравняв нас тогда к какому-нибудь африканскому полупервобытному племени, не будет больше смертельно жалить, а наоборот, даже будет поддерживать более-менее сносный уровень жизни, предотвращающий бунты и восстания, то есть будет более заботиться о нас, чем нынешняя российская власть...

Выбор за нами...

* * *

В 1991 году, накануне 200-летия со дня рождения Сергея Тимофеевича Аксакова, кровного и духовного отца Константина и Ивана Сергеевичей Аксаковых, в попытке разобраться с этими конечными вопросами, я полетел в Болгарию, а несколько позже — поехал в Сербию, в страны, которые И. С. Аксаков, без преувеличения, в своё время спас, — и с горечью убедился, что И. С. Аксакова там не помнят. Мне скажут, что в Болгарии, в отличие от России, он увековечен в названиях. К примеру, в Софии одна из центральных улиц носит его имя, его именем названы улицы в других городах и сёлах, гимназия его имени есть в городе Пазарджик, есть город Аксаково рядом с Варной. Да, но это ничуть не помешало посткоммунистической Болгарии под соблазнительным демократическим ветром “свободы” броситься в саморазрушение, отталкиваясь от всего не только советского, но и от всего русского.

Доходило до того, что в Варне демонстранты носились по улицам с лозунгами: “Лучше турки, чем русские!”. Приехав в Болгарию семь лет спустя, в 1998 году, я увидел, что антирусские тенденции у болгарских властей не ослабли, а, наоборот, усилились. Если прежний президент Болгарии Ж. Желев вошёл в историю болгаро-русских отношений, прежде всего, тем, что 3 Марта – в День освобождения Болгарии русской армией от турецкого ига – в своей торжественной речи умудрился ни разу ни сказать, кто же всё-таки освободил Болгарию от турок, а на праздничной церемонии на Шипке российскому послу даже не дали слова, более того, он был объявлен чуть ли не шпионом, и все болгары, кто имел смелость поздороваться с ним тогда, были объявлены агентами российского влияния. Были сознательно нарушены прежние экономические связи, кстати, нужные более Болгарии, чем России. Болгарские курорты опустели, более или менее состоятельные россияне стали ездить на отдых в Турцию, тем самым поддерживая её экономику.

Конечно же, в Болгарии, как и в России, нельзя отождествлять власть с народом. И в первый, и во второй приезды меня поразило удивительно тёплое отношение к России, к русским простым людям. И в то же время какое-то гипертрофированное, граничащее с маразмом, неприятие всего русского официальной болгарской властью и так называемой демократической общественностью, которая мало чем отличается от нашей российской, наверное, только ещё мельче и оголтелее. К примеру, готовится к печати новый школьный учебник по истории, так в нём 500-летнее турецкое иго называется уже не иначе как турецким присутствием. Мы знаем, что светлый Праздник славянской письменности и культуры, отмечаемый в день поминовения равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия, пришёл в Россию из Болгарии, где он до сих пор был одним из самых почитаемых. Так вот, накануне этого праздника в софийской газете “24 часа” появляется статья под названием “Кирилл и Мефодий – греческие шпионы” (!). И подзаголовок: “Как два брата были внедрены в болгарское самосознание”. Дальше ехать некуда... Но оказалось, что есть куда: в дальнейшем Болгария предоставила свои аэродромы для натовской интервенции против братской Сербии.

В отличие от Болгарии, в Сербии, по-прежнему тянувшейся к России и пытавшейся противостоять, в том числе с оружием в руках, новому мировому порядку, я столкнулся с ещё большим парадоксом. Если сто с лишним лет назад сербская газета “Застава” писала: **“Сербский благодарный народ не легко забудет имя великого Аксакова и его братскую любовь и помощь в самые тяжёлые дни своей новой истории...”**, то ныне, увы, ни один человек, по крайней мере, с кем я встречался, не смог мне объяснить: кто был Иван Аксаков и какое отношение имел к Сербии и Черногории? И тем более уж никто из них не читал знаменитое послание “К сербам”. Ещё как-то можно было объяснить, что И. С. Аксакова не знали солдаты действующей армии, инженеры, крестьяне, но оказалось, что фамилия И. С. Аксакова неизвестна бравшей у меня интервью прорусски ориентированной журналистке из белградского еженедельника “Политика”, профессору-литературоведу с мировым именем из университета города Нови-сад, даже известному политологу, называющему, кстати, себя не иначе как новым славянофилом, ни государственным деятелям, включая президента Слободана Милошевича, будучи у него на приеме, никакого движения на его лице при имени Ивана Аксакова, я не заметил.

Мне скажут: ничего страшного тут нет, имя И. С. Аксакова растворилось для сербов в понятии Россия, в русских, таковы законы исторической памяти. Может быть, я согласился бы с этим, если бы хоть отчасти претворились в жизнь его мечты о спасительном славянском единстве. **Увы, страшная междоусобная война на Балканах, в конечном счете направленная против России, – которая не раз жертвенно и губительно для себя бросалась спасать сербов (вспомним Первую мировую войну, которая закончилась трагедией для России), была развязана самими славянами...** О каких, хотя бы отчасти осуществлённых идеалах И. С. Аксакова можно говорить, если когда-то единый славянский народ, говорящий на одном языке, оказался разорванным по вере. Ведь хорваты, о судьбе которых И. С. Аксаков тоже переживал, – это те же сербы, только ставшие католиками, а боснийские мусульмане – тоже сербы, только во время турецкого ига принявшие ислам. Кстати, албанцы, которых тогда называли косоварами, во время

Косовской битвы сражались на стороне сербов против турок. И вот когда-то единый народ устроил внутри себя такую кровавую бойню, кажется, не имеющую по своей жестокости аналогов в мировой истории!

Тут есть над чем призадуматься. Злодеяния немецких оккупантов в Сербии меркнут перед злодеяниями братьев-хорватов. Неужели это в нашей славянской сути? По крайней мере, я, как ни пытался, не мог объяснить этой запредельной жестокости, кроме как отпадением от Веры. Мы виним в наших бедах Америку, но кто-то в Югославии попытался к этой проблеме подойти самокритично: давайте задумаемся, ведь мы, по сути, единый народ? Сама постановка этого вопроса считалась безнравственной. И опять сербы повернулись с протянутой рукой к России, на сей раз к поверженной предательской перестройкой: помоги!.. **И опять русские добровольцы правдами и неправдами перебирались через границы, чтобы спасти сербов от таких же, по сути, сербов.** В своё время, ещё в самом начале югославской беды, я попытался напечатать об этом статью в “Советской России”, что надо попытаться противоборствующие силы усадить за стол переговоров, ведь все три стороны – славяне, но покойный ныне глубокоуважаемый мною Э. Ф. Володин, тогда работавший в газете, не пропустил её: “Это не патриотично по отношению к православным сербам...” – Да, я тоже всей душой был на стороне православной Сербии, но ведь даже у сербов не было никакого единства. При первом приезде в Белград меня поразил факт: все православные, все патриоты, все любят Россию, но все с опаской оглядываются друг на друга; если я пошёл в гости, например, к Р. М., то он ставил условие, чтобы я не ходил в гости к Д. К., потому как тот, по мнению Р. М., не истинный патриот, а может, даже скрытый, прогермански настроенный враг. Это ещё хуже, чем у нас, русских: если собрались трое патриотов, то это уже непременно четыре непримиримых и претендующих на последнюю истину партии. Так вот, если собрались трое сербских патриотов, то непримиримых, претендующих на последнюю истину партий будет уже пять. В старое время, когда на планете не было так тесно, противоборствующие стороны, вчера ещё все сербы, могли разбежаться в разные стороны, как раньше – на восточных, западных и южных славян, но, увы, бежать уже некуда, и вчерашние братья в смертельной схватке сцепились между собой. Неужели это действительно в нашей славянской сути?..

При чтении статей И. С. Аксакова, через сто с лишним лет после их написания, **постоянно возникает чувство, что они написаны сегодня.** В своё время при подготовке первого переиздания в советское время сборника статей И. С. Аксакова в Башкирском книжном издательстве, за который издательству влетело, я столкнулся с любопытным фактом. В фонде редких книг республиканской библиотеки, я, перепечатав на машинке одну из его статей, дал её прочитать своей жене, кстати, редактору книжного издательства, не сказав, чья статья. Возвращая её, она сказала:

– Всё думаю, кто мог бы её написать. Распутин? Но язык не его.

Надо было видеть её удивление, даже потрясение, когда она узнала, что статья написана сто с лишним лет назад, в ней даже фигурировали такие термины, как “застой”, “перестройка”...

Судьба И. С. Аксакова трагична во всех смыслах. Если старшие славянофилы, в том числе и его брат, Константин Сергеевич, начав борьбу за национальное самосознание, за истинно русские пути, не ставили перед собой целей далее теоретических, то Иван Сергеевич, видя невозможность претворения этих идеалов в отдельно взятой стране, даже в такой огромной и сильной, как тогдашняя Россия, пытался соединить перед грядущими бедами, которые он явственно видел, всё некогда разбежавшееся, в том числе по каким-то внутренним причинам, славянство. **Он, наверное, одним из первых в России пытался раскрыть глаза обществу на уже давно опутавшую Европу и все больше набрасывающую сеть на Россию “тайну беззакония”.** Попытайтесь найти в библиотеке том по еврейскому вопросу из его собрания сочинений, изданного его вдовой, Анной Федоровной Тютчевой, дочерью великого русского поэта, вместе с племянницей Ивана Сергеевича Ольгой Григорьевной Аксаковой, внучкой Сергея Тимофеевича Аксакова, которой он посвятил “Детские годы Багрова-внука”. Недавно этот том переиздан Социздатом в серии “Потаённая русская литература”, и вам станет страшно: всё, о чём он предупреждал тогда, век назад, увы, уже случилось. Просто и ясно определил

он суть еврейского вопроса: “Если бы евреи отступились от своих религиозных верований и признали во Христе истинного мессии, никакого бы еврейского вопроса и не существовало. Они тотчас бы слились с теми христианскими народами, среди которых обитают... Христианство есть венец иудаизма — конечная цель, к которой иудаизм стремился, которая осмыслила всё его историческое бытие... иудаизм только в христианстве нашел своё объяснение и оправдание...”

Никому не в обиду будет сказано, но никто, наверное, из последующих авторов не раскрыл так глубоко губительной для России, для всего мирового сообщества сути этого вопроса. Он предсказал, что будет с Россией, если и в этом вопросе жить по принципу “Авось, пронесёт!..”: “Еврейский вопрос в России — вопрос великой важности, чрезвычайно серьёзный, серьёзный до трагизма, к нему действительно нужно отнестись с беспристрастностью... **Всякий край, в котором экономическое государство захватывают в свои руки евреи, не процветает, а чахнет и гибнет...** Всякий честный, серьёзно образованный еврей (мы знавали таких и с некоторыми из них были даже в приятных отношениях) подтвердит наши слова о том вреде, который наносит населению хищнический инстинкт невежественной еврейской массы, нередко преисполненной злого религиозного фанатизма, под влиянием своих цадииков, крепко сплоченной и организованной...”

Но русское правительство, русское общество вели себя словно глухари на току. Они не слышали, более того, принципиально не хотели слышать И. С. Аксакова, он раздражал их, заигрывающих с еврейской интеллигенцией, претендующей на место русской. Правительство, земство из самых прекраснородушных побуждений строили университеты, народные школы, а в этих школах и университетах за государственный счёт воспитывали нигилистов, революционеров, разрушителей России. Это как раз по этому поводу Ф. М. Достоевский писал И. С. Аксакову: “Но повторяю: продолжайте разъяснять Вашу мысль особенно на примерах и указаниях...”

И потому И. С. Аксаков был так ненавистен нарождающемуся российскому либерализму, **в жутком одиночестве, в полном непонимании общества, в отсутствии истинных последователей продолжал он разъяснять свою коренную мысль.** Последователи появятся позже, когда будет уже поздно, после русской и всеславянской катастрофы, после Первой мировой войны и революции 1917 года, в изгнании: Н. Трубецкой, П. Савицкий, Г. Вернадский, И. Ильин, И. Солоневич... **Евразийская мысль родилась как запоздалое прозрение.** Запоздалое, но, может, не безнадежно позднее? **Евразийцы не случайно своими корнями восходят к славянофилам.** Евразийцы попытались проанализировать причины катастрофы: отравившись Западом, отвернувшись от Востока, Россия тем самым нанесла себе сокрушительный удар, не оправдала надежд, не стала опорой для всего славянского и неславянского мира. Да, прозрение пришло в горьком изгнании, но в надежде, что со временем их труды будут востребованы в России, как и во всём славянском и не славянском мире...

А тогда — умерли старшие славянофилы: И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, отец, старший брат — и он почти в полном одиночестве пытался соединить славянство перед предстоящими бедами. И не выдержало сердце неимоверного напряжения — он скоропостижно умер 27 января 1886 года от разрыва сердца, от безысходной боли о будущем России.

Паразитально: он взывал — его не слушали, и тем более ему не следовало. Но когда он умер, на какое-то время все вроде бы опомнились, скорее сердцем, чем умом понимая, кого потеряли. В тогдашней не многомиллионной ещё, но не столь ещё космополитической Москве 100-тысячная процессия самой разнообразной публики вышла отдать последний долг признательности и благодарности высокочтимому славному гражданину и учителю.

“Огромная масса учащейся молодежи дружно, на перерыв, несла на руках высоко над головой белый газетовый гроб с прахом идеально-честного русского человека в продолжение всей дороги от университетской церкви, по Моховой, Охотным рядом, через Театральную площадь, Китайским проездом, Лубянской, по Мясницкой, к Красным воротам, на Каланчёвскую площадь, к вокзалу Московско-Ярославской железной дороги. Весь этот длинный путь переполнен был сплошными толпами публики, среди которой, как между

двух стен, тихо и торжественно пронесли драгоценный прах...". Похоронен он был, — чуть ли не единственный из мирских, — в основанной Преподобным Сергием Радонежским Троице-Сергиевой лавре, и отклики на его смерть составили целую книгу. В послесловии к ней было оговорено, что в неё не вошли отзывы болгар (которые составили отдельную книгу), лужицких сербов и хорватов, что "...газеты коих в последнее время редакцией "Руси" вовсе не получались".

"Иван будет великий писатель", — сказал Сергей Тимофеевич Аксаков, прочитав одно из детских произведений сына. В слово "писатель" Сергей Тимофеевич вкладывал не только понятие "литератор", а то единственное на Руси истинное значение: трибун, общественный деятель, болеющий за настоящее и будущее своего народа, иначе говоря, печальник Земли Русской. Епископ Рижский и Митавский Донат перед панихидой по почившему Ивану Сергеевичу Аксакову так и скажет: "Скончался печальник Земли Русской об исполнении её исторических заветов внутри и вне её пределов... Скончался печальник славянства в его поисках за свою историческую судьбу, в его порывах в восстановлении его славянской личности, в убеждениях, в науке, в общежитии, в языке, в гражданском строе жизни!.."

"Потеря невозможная, — писали "Современные известия": — И. С. Аксаков был не только литератор, публицист и общественный деятель, **он был — знамя, обществнная сила**. В этом было его главное значение, и потому-то особенно тяжела его потеря, именно теперь, когда положен на весы вопрос: достойно ли Россия встретит надвигающиеся события, а они касаются тех глубоких её задач, того коренного призвания, которым и посвящена была вся жизнь покойного".

"Нечего и говорить о значении этой потери... для русского и славянского мира, — отозвалось "Новое время". — Закатилась одна из самых ярких звёзд, какие когда-то блестили на небе русского общественного слова... Не русский талантливый писатель только скончался — скончался общественный трибун, обладающий даром зажигать сердца, никогда ни единым словом не изменивший своему призванию".

На смерть И. С. Аксакова откликнулся практически весь славянский мир. После многих веков разобщения он, может, только теперь почувствовал себя вновь, — к сожалению, ненадолго, — единым славянством. Но неужели для этого обязательно нужна была его смерть?!

Согласитесь, вышеприведенные выдержки для многих — откровение. Не то, чтобы нашей молодежи изучать "жизнь, светлый характер и великие патриотические дела" И. С. Аксакова — его имя сознательно было исключено из нашей памяти, более того: на нём умышленно было выжжено, как, впрочем, на всех русско-мыслящих, титло, подобно тем, что выжигали на ворах и разбойниках, — "**славянофил**", что равносильно было определению, которое потом введут в обиход захватившие в России власть большевики: "**враг народа**". К этому уже в наше, постсоветское время успел приложить руку вознесённый нынешними либеральными демократами до небес "великий гуманист" и великий русофоб А. Д. Сахаров: "Дух славянофильства на протяжении столетий представлял собой страшное зло". И это написал человек, который сам своими руками сотворил действительно страшное зло — водородную бомбу, способную уничтожить наш мир!..

Не забуду, как в Минске, на Празднике славянской письменности и культуры чуть ли не с ненавистью отшатнулась от меня: "Он же славянофил!.." — до того любезничавшая со мной и считающая себя весьма просвещённой латышка, научный сотрудник Латвийской национальной библиотеки, когда узнала, что свое выступление я посвящу И. С. Аксакову. Она даже не подозревала (и тем более не подозревают о том нынешние латышские и эстонские лидеры), что **И. С. Аксаков приветствовал создание газет и школ на латышском и эстонском языках, а за поддержку в своих статьях стремления народов Прибалтики к самостоятельности не раз получал предостережение цензуры**. И что на его смерть с болью отозвались и латышские газеты: "Во внимание к великому значению И. С. Аксакова вообще и к тёплому его заступничеству за латышей в особенности, представители латышской печати послали глубоко огорченной вдове телеграмму... Аксаков был горячим защитником и наших интересов" ("Rota"); "он неуклонно защищал интересы небольших славянских племен, а также интересы латышского народа" ("Baltigas Wehstuesis").

Увы, вышеперечисленные отклики одинаково неизвестны как русской молодежи, так и нынешнему поколению сербов, болгар, чехов, и тем более латышей и эстонцев. Огромное значение личности И. С. Аксакова в том, что он не просто выступал в защиту славянских и других малых народов, а сыграл исключительную практическую роль в их судьбе. Вот, например, выдержка из сербской газеты “Браник”: “Ныне всякий добрый серб в Сербии с благодарностью вспоминает русское имя, скидает шапку. Что это так — это великая заслуга Аксакова. **В славянских комитетах, которые материально поддерживали славян на Балканах, ему принадлежало решающее слово, он заставил русский народ возгореться гневом на турецкие насилия. Он подвинул официальную Россию на войну с Турцией, и таким образом возникли свободные государства на Балканах**”.

Газете “Браник” вторил, уже говоря о белорусском народе, протоиерей И. Котович в Виленском Свято-Духовом монастыре: “Не забудет и Западно-Русский край Ивана Сергеевича! Нужно было иметь много мужества и сознания гражданского долга, чтобы так бесстрашно восстать на защиту попранной и униженной русской народности в здешнем крае, как восстал Иван Сергеевич в 1862 и 1863 гг. . . . Со свойственной ему прямою он открыто проповедовал великий грех русского общества и русских учёных, — забвение про существование Белоруссии, основ её жизни и подвигов её сынов, он прямо ставил вопрос, что здешний народ — господин и хозяин той земли, которую поляки повсюду прославили Польшей, и этой ложью заслепили глаза русскому обществу. . . Оживление в Западной России было весьма велико, взоры мыслящих людей постоянно обращались к Москве, к Аксакову, что думает, что скажет он. **Почти все проекты преобразования в крае или проходили через его руки или не чужды были его указаний или косвенного влияния**”.

Кое-кто пытался представить И. С. Аксакова врагом Польши, но послушаем, что по этому поводу писала словенская газета “Liublanski Zvon”: “Полякам он не был враждебен по принципу. . . Его любовь к славянам была сознательная, живая, твердая. Его не смущала даже явная неблагоприятность славянских племен к России, которая так много для них сделала и с такими жертвами. У него эта любовь не ограничивалась, как у некоторых других знаменитых славянофилов, одним православным единством; где только страдало и страдает славянство от несправедливости и себялюбия других народов, оно всегда находило в нём сочувственный отклик. . .”.

Его мучила уже тогда явно наметившаяся славянская междоусобица. Он и умер-то раньше времени, съедаемый этой междоусобицей и слепой политикой российского правительства. Или, как писал некто, скрывшийся под инициалами “Н. П.”, в “Гражданине”: “К числу причин, сведших его в могилу, мы, несомненно, уверены, относилось и то глубокое страдание, которое испытывал он при виде направления, принимаемого политикой в Балканском вопросе. Говорят, была болезнь сердца, однако медицинские знаменитости даже за несколько часов до кончины обещали ему еще много лет “покойной жизни”, но когда к физической болезни сердца присоединяются ещё нравственные удары, бьющие в то самое место, чем жил и для чего жил человек, сосуд не устоит, и нравственное страдание прекратит физическую жизнь”.

Не мог не откликнуться на смерть И. С. Аксакова и правитель Черногории Никола Негош, которого Иван Сергеевич посетил во время своего путешествия по славянским странам в 1860 году: “Да, я узнал о том, что мы понесли тяжелую потерю великого патриота, и этим я ужасно расстроен. Ваша великая родина волей Божию всегда имела и будет иметь таких славных людей, но пусть Небо создаст ещё раз такого же, который только что угас, любя одинаково славян как с берегов Бояны и Марицы, так и с берегов Невы и Москвы-реки. Благодарные сердца югославы будут носить по нему траур, так же как его соотечественники и особенно я, потому что он на самом деле испытал ко мне дружеское расположение. . .”.

Английская газета “Standard”, мягко скажем, не очень симпатизирующая взглядам И. С. Аксакова, назвала его смерть “национальной потерей” для России. Откровенно враждебный России, разумеется и И. С. Аксакову, “Pesther Lloyd” вынужден был признать: **“Это был один из могущественнейших деятелей своего времени: он приводил в движение монархов, народы и идеи”**.

Очень трудно коротко рассказать об И. С. Аксакове, так насыщена его биография. Принципиальный государственный чиновник: уже в молодости ходили легенды о его беспримерной честности, его назначение “заставляет трусить каждое присутственное место”.

Известный поэт, хотя сам он не высоко ставил себя как литератора, но кому в России неизвестны были ставшие хрестоматийными строфы из поэмы “Бродяга”, которая, несомненно, была предтечей некрасовской поэмы “Кому на Руси жить хорошо?”.

Блестящий публицист, но почти все его статьи, оригиналы которых, к сожалению, не сохранились, были подвергнуты цензурным искажениям, и мы никогда их не прочтём в полном виде.

Пытливый ученый-исследователь: за описание украинских ярмарок, — а он любил Украину, наверное, не меньше России, — ему была присуждена Константиновская медаль Географического общества и Демидовская премия Академии наук. Председатель Общества российской словесности.

Бесстрашный издатель, каких было мало на Руси: первый же выпуск его “Московского вестника” обратил на себя внимание не только читателей, но и цензуры. А второй выпуск вообще был запрещён, а сам И. С. Аксаков лишился “на будущее время права быть редактором какого бы то ни было издания”. И так будет до самого последнего дня. Не случайно его потом назовут “страстотерпцем цензуры всех эпох и направлений”.

Возмутитель общественных устоев, к сведению нынешнего опереточного Дворянского собрания: будучи потомком старинного дворянского рода, он был автором письма-проекта к государю: “Чтобы дворянству было дозволено торжественно перед лицом всей России совершить великий акт уничтожения себя как сословия...”

Осенью 1854 года началась героическая оборона Севастополя, и И. С. Аксаков записывается в Серпуховскую дружину Московского ополчения. Он не верил в возможность отстоять Севастополь, но сделал этот шаг, как он писал родным: “Мне было бы совестно не вступить... люди дерутся и жертвуют”. Иван Сергеевич был не просто штабс-капитаном Серпуховской дружины, а квартирмейстером и казначеем её. После окончания кампании он сдал в казну крупную сумму сэкономленных денег, что вызвало не то чтобы недовольство начальства, — он ставил, мягко говоря, в неловкое положение интендантскую службу всей армии. Этот факт послужил основанием для назначения его в комиссию князя В. И. Васильчикова по расследованию интендантских злоупотреблений во время войны.

В 1857 году Иван Сергеевич едет за границу. Но за граница его тянула не модными курортами, хотя потребность в лечении была, — он стремился глубже понять суть происходящих там событий, особенно в славянском мире, и оттуда яснее виделось происходящее в России. Вернувшись, он начинает издавать газету “Парус”. 22 июня 1858 года он пишет М. Ф. Раевскому, на которого в 1856 году, после окончания русско-турецкой войны, русским правительством была возложена забота по устройству церквей и школ в Болгарии, Боснии, Герцеговине, Албании и Черногории (забегая вперёд, скажу, что с 1860 года он станет в славянских странах представителем возглавляемого И. С. Аксаковым Московского славянского благотворительного комитета): “После долгих хлопот удалось, наконец, возвратит себе гражданские права в литературе, которых я был лишён покойным Императором. Я получил дозволение и с сентября сего года начинаю издавать от своего имени еженедельную газету... Интересы славянские, само собой, разумеется, будут играть в этой газете важную роль... Мне необходима еженедельная корреспонденция из славянских стран, так чтобы в одном было письмо из Сербии, в другом — из Болгарии, в третьем — из Богемии, в четвёртом — из Далмации, в пятом — из Галиции и т. д., только таким образом славянский вопрос приобретёт популярность в России. Сделается вопросом, близким нашему купечеству и вообще грамотному простому люду...”

26 августа он снова писал М. Ф. Раевскому: “Пожалуйста, завяжите сношения “Русской беседы” с Венгрией. Кажется, мадьяры начинают сознавать, что их политическое бытие тесно связано с независимостью славянских племён... Старайтесь славян наших из области учёно-отвлеченной перевести

на живую почву, заставьте их изучать не только памятники древней славянской письменности, а живой народ, его обычаи, предания, верования. Вот что важно...”

Но уже 13 апреля следующего года письмо его к М. Ф. Раевскому полно горечи: “Первые два номера “Паруса” произвели шум и гул страшный. В публике было сочувствие огромное, и нет сомнения, что через год славянский вопрос сделался бы популярным в России... И только тогда сочувствие к славянам было бы действительно и принесло бы плоды... если бы ни запретили “Паруса”... **Вы не можете себе представить, как вообще Петербургу ненавистна и подозрительна Москва, какое опасение и страх вызывает там слово: народность. Ни один западник, ни один русский социалист так не страшны правительству, как московский славянофил.** Никто не подвергается такому гонению... “Парус” запретили, но министерство иностранных дел тотчас же спохватилось, что запрещение “Паруса” в то время, когда его воспретили в Австрии и когда наша политика предписывает нам дорожить сочувствием славян, — весьма несвоевременно, что такой орган славянской мысли, который был бы центральным славянским органом, был бы весьма полезен... Всего проще было бы не запрещать “Паруса” или разрешить его вновь, но государь никак на это не согласился, а велел Ковалевскому предложить кому-либо из московских славянофилов, только не Аксакову, продолжить “Парус” под другим названием...”.

Только не Аксакову! Увы! Сколько раз и потом такое было в России! Чтобы угодить чужим, оскорбляли своих! Били по своим!

Лишённый возможности говорить с братьями-славянами через газету, И. С. Аксаков решает говорить с ними глаза в глаза. 10 января 1860 года, немного оправившись после смерти отца, он сообщает Раевскому: “Мой план таков: весной, в начале мая явиться к Вам в Вену и там представить на ваше высочайшее благоусмотрение план моего окружного путешествия по славянам, на что я полагаю посвятить месяца три или четыре...”.

И поездку эту он совершил. В мае 1860 года он предпринимает большое путешествие по славянским землям: Хорватии, Черногории, Сербии, Далмации. В Черногории он побывал в г. Котор, посетил её правителя, выдающегося сербского поэта, князя Николу Негоша в столице Черногории г. Цетине, который был тогда, по сути, небольшой деревней. Наверх к Цетине из Которского залива современная автомобильная дорога поднимается жутковатым серпантинном, в одном месте параллельно ей сохранился небольшой участок, как нам сказали, не самый опасный и сложный, старой дороги, по которой верхом и пешком поднимался И. С. Аксаков. У нас в России по таким тропам даже альпинисты страхуются альпинистской верёвкой. Мало того, он передвигался по Черногории со своей турецкой внешностью (вспомним, его бабка по матери была турчанкой), то и дело встречая вооружённых людей, в условиях вот-вот готового вспыхнуть антитурецкого восстания. “Путь в Черногорию ужасно труден и утомителен, — писал он родным, — голые скалы и камни, никакой долины, никакого прохода между горами, а надо взбираться на самую верхушку. Цетинье, столица Черногории, не только городом, но и деревней назваться не может. Здесь, собственно, два дома, заслуживающих это название: дом или “дворец” князя и дом архиерея. Разумеется, мы были прекрасно приняты князем, у него и обедаем и ужинаем. Описывать вам теперь подробно Черногорию невозможно, на это бы понадобилось слишком много времени, а времени у меня очень мало...”.

А вот запись в дневнике от 4 (14) июня: “В 7-м часу утра мы отправились с Петковичем в обратный путь, опять же с теми же черногорцами-проводниками, встретили двух герцеговинцев верхом, вооруженных и с красным тюрбаном на голове. Они остановились поговорить с Петковичем. Они ехали к господарю (князю черногорскому и Брускому) посоветоваться насчёт восстания. Петкович объяснял им, что они зачинают глупость, что терпели, ещё бы потерпели и проч... Но они отвечали, что терпели довольно: **уже 500 лет терпим? Невмоготу стало.** Как Бог даст и проч. На лицах их была написана решимость. Видно, что они говорили с Петковичем из одной учтивости...”.

Именно во время этой поездки в Черногорию Аксаков пришёл к своему основному выводу, который выразил в письме к родным, выводу, который, наверное, как никогда злободневен сегодня: “Я вообще убедился, что **только одно есть действительное средство поднять славянский дух в прочих**

угнетённых племенах, — это чтобы сама Россия стала Русью: этот один факт, без всякого вмешательства политического, без всякой войны, оживит и направит на путь дух прочих онемеченных, обитальяненных, офранцузенных, отуреченных племён славянских...”.

Потом была Сербия. Из письма к родным: “...Я начинаю говорить по хорватски или по-сербски; по крайней мере, мог со всеми довольно свободно объясняться”.

Сербский публицист Матия Бан познакомил его с тайным планом восстания в Боснии с целью присоединения Боснии к Сербии. В позднейшей переписке с И. С. Аксаковым Бан строил планы далеко идущие: создания южнославянской федерации из сербов, болгар, хорватов, своего рода прообраз будущей Югославии, которая потом должна была, в свою очередь, войти в состав общеславянской конфедерации. В подготовке восстания И. С. Аксаков обещал ему содействие. В августе 1860 года он передал ему три тысячи рублей из средств Славянского комитета. Но И. С. Аксаков понимал, что такое дело нельзя осуществить только на частные пожертвования. Поэтому обратился за помощью к русскому посланнику в Вене В. П. Балабину, русскому генеральному консулу в Белграде А. Е. Влангали и к М. Ф. Раевскому, которые были его единомышленниками. В результате общих действий русское правительство предоставило Сербии бессрочный беспроцентный заем на 900 тысяч рублей. Однако сербское правительство в результате интриг отказалось от этого займа. И. С. Аксаков писал родным: “Белград — гнездо интриг политических, как со стороны покровительствующих держав, так и ещё более со стороны самих сербов, разделённых на множество партий”.

Полностью осуществить план поездки по славянским землям помешала смерть брата, Константина Сергеевича. Потому Раевскому одна за другой идут посылки: “На днях Вы получите от меня 80 экземпляров стихотворений Хомякова, изданных под моим наблюдением...” Он посылает в славянские страны сборники сказок Афанасьева, сочинения Пушкина и Гоголя, всевозможные словари.

В то же время его гнетёт духовное одиночество, слишком мало единомышленников, слишком мало людей в славянском мире, кто его понимает. К тому же: “Безумствуют славяне на западе и на востоке. Безумствуем и мы... Славяне могут нам рассказывать, что у них скверно, и ожидать от нас помощи. Нам же рассказывать, как у нас скверно, не приходится. А кроме скверного нечего и рассказывать!”

Всё это подтачивает его здоровье, как и смерть одного за другим родных. 5 августа 1861 года он делится с всё тем же М. Ф. Раевским своим горем: “Родные мои сестры не выходят из траурных одежд. Три года кряду смерти: 1859 г. — отец, 1860 г. — брат, 1861 г. — сестра! Маменька очень ослабела... Тяжело, болезнь и кончина сестры помешали мне объявить о моей газете, и хоть я не оставляю такого намерения, но трудно, признаюсь, мне теперь отдаваться газете, когда на руках моих вся семья, и все женщины!”

Но уже через месяц его письма полны заботой о самом главном деле: “Пусть каждый славянин пишет, что имеет сказать в пользу своей народности”. Иван Сергеевич помышляет о развитии славянского экономического учения, он сближается с группой промышленников, в которую входили И. Ф. и Н. Ф. Мамонтовы, А. В. Третьяков, В. А. Конорев, К. Т. Солдатенков, И. В. Щукин. Он горячо интересуется самобытными сторонами промышленности и сельского хозяйства в славянских странах.

Положение об освобождении крестьян от 19 февраля 1861 года его глубоко разочаровало. Он видел в его половинчатости плевелы будущих бед России. Он замышляет газету, которая помогла бы читателям ориентироваться в происходящих событиях. Он называет её “День”. Разрешая издание газеты, московский цензурный комитет оговаривал: “Главное управление цензуры разрешило дозволить г. Аксакову издавать означенную газету без политического отдела, чтобы московскому цензурному комитету иметь особенное, в цензурном отношении, наблюдение за этим изданием”. В результате этого “особенного” наблюдения издание газеты то и дело приостанавливалось, в конце концов, в 1868 году она вынуждена была прекратить свое существование. Надо сказать, что издание “Дня” с самого начала представляло собой акт отчаяния. И. С. Аксаков издавал “День” на свои небольшие средства, он вынужден был постоянно ограничивать себя и сотрудников в выплате гонорара.

Типографии своей не было, выход газеты зависел от многих случайных причин. Была вынуждена прекратить существование, и по тем же причинам, газета “Москва”, которую он редактировал в 1867–1868 годах.

* * *

Особое место в биографии И. С. Аксакова занимает его деятельность как основателя, идейного вождя и руководителя Московского славянского благотворительного комитета, во главе которого он стоял более 30 лет. Под его руководством комитет играл ведущую роль в организации и координации других славянских комитетов страны. И. С. Аксаков чувствует себя счастливым, когда в июне 1867 года ему удалось собрать в Москве Всеславянский съезд. Во время торжественного приёма в честь дорогих гостей он поднял чашу за братство между всеми славянами: “Отныне его братство призвано стать не отвлечённою только, абстрактною, как говорят немцы, идеею, не платоническим только бесплодным чувством, а действительным, деятельным, животворящим фактом. Братство! Братья! Как много сказано этими словами. Невольно повторишь слова Хомякова:

*О, вспомнишь ли, что это слово “братья”
Всех слов земных дороже и святей?!”*

И. С. Аксаков принимает активное участие в оказании помощи Сербии и Черногории в их освободительной борьбе против Турции. Многие ещё остаются, а может, и навсегда останется тайной, что касается деятельности И. С. Аксакова по помощи, а точнее сказать, по организации народно-освободительного движения на Балканах. Действуя вопреки политике российского правительства, он вынужден был стать великим конспиратором, его фамилия почти всегда оставалась в тени, на поверхности, в печати фигурировали и по сей день преимущественно фигурируют другие фамилии, порой имеющие к освободительному движению самое косвенное отношение. Весной 1875 года вспыхнуло восстание в Боснии и Герцоговине. Показательно, что сербское правительство в первые же дни восстания обращается за финансовой, военной помощью не к российскому правительству, а непосредственно к И. С. Аксакову. Вот когда пригодились ему навыки, приобретенные им в бытность квартирмейстером и казначеем Серпуховской дружины во время Крымской войны. Он не просто организует общественное движение, а заём сербскому правительству, общенародный сбор средств на нужды борющихся народов, **за четыре месяца возглавляемому им Московскому славянскому комитету удалось собрать около 600 тысяч рублей.**

Оставаясь в тени, организует поставку оружия, продовольствия, медикаментов, тайно переправляет через границу отряды русских добровольцев, медиков и выдающегося военачальника, героя взятия Ташкента и покорения Средней Азии генерала Михаила Григорьевича Черняева (как позже во время болгарского восстания зайдёт в Болгарию легендарного генерала Михаила Дмитриевича Скобелева, оба окажутся в опале), который по согласованию с сербским князем Милошем должен был принять сербское подданство и возглавить сербскую армию, а по сути – создать её. Российское дипломатическое ведомство, узнав об этих секретных переговорах, приняло меры к тому, чтобы Черняеву не было дозволено выехать из Петербурга – за ним был учреждён надзор, и ему было отказано в выдаче заграничного паспорта. Черняев тайно покинул Петербург, приказ о задержании его на границе запоздал, и в июне 1876 года Черняев был уже в Белграде. Известие о назначении его главнокомандующим сербской армией послужило сигналом к отправке новых отрядов добровольцев и подняло восстание на Балканах на степень русского национального дела.

Внешне Черняев действовал самостоятельно, сам вёл переговоры с сербским правительством, порой превышая свои полномочия, но, как восклицает одна из современных исследовательниц Ольга Червинская в работе “Писатель как историограф: сербский вопрос и личность генерала М. Г. Черняева в рецепции Ф. М. Достоевского”: “Можем ли мы сегодня знать, насколько самостоятельно действовал Черняев? Архивы убеждают, что за его фигурой

скрываются другие персонажи. Это, в первую очередь, сын известного писателя и идеолога славянофильства Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886), которому принадлежит основная заслуга в организации славянского движения на Балканах. . . Только для наивного сознания удивительным является то, что все шаги генерала делались под руководством именно Аксакова”.

В подтверждение этого утверждения можно привести выдержку из недавно ставшего известным письма самого М. Г. Черняева к И. С. Аксакову: “Глубокоуважаемый Иван Сергеевич. Писал бы Вам каждый день, сообщал бы Вам не только о том, что делается, но и о том, что намерен делать. Ведь не могу же я забыть, что именно Вы меня сюда снарядили, на собственный страх. Кто же понимает тогда значение моего приезда в Сербию, кроме Вас?”

Иван Сергеевич позже писал: “Две трети пожертвований внёс наш бедный, обремененный нуждой, простой народ. . . Пожертвования по общественной лестнице шли в обратной прогрессии: чем выше, чем богаче, тем относительно слабее и скуднее. Наши денежные знаменитости не участвовали вовсе, а если и участвовали, то в самом ничтожном размере во всероссийской народной складчине”.

Ко второй половине августа 1876 года основные боевые действия развернулись у пограничной крепости Алексинац. Здесь турецкий главнокомандующий Абдул Керим сконцентрировал свои основные силы. Черняев же, предуведомив место основного удара турок, лично руководил созданием укреплений Алексинаца. Сербь проявляли удивительную беспечность в создании единой линии обороны. Так, Черняев перед самым сражением 18 августа обнаружил, что направление у монастыря Шуматовац вообще не укреплено. Буквально за считанные часы по его приказу здесь был возведен мощный редут. Турки, заранее разведав “слабое место”, бросили на этом направлении свои главные силы. Генерал Черняев возглавлявший оборону Шуматоваца, воодушевлял солдат-сербов, и, когда погиб начальник редута, встал у артиллерийского орудия и лично повел стрельбу по накатывавшимся волнами туркам. Были отбиты с огромными потерями для врага все четыре атаки. Части турок удалось ворваться на территорию редута, но, благодаря мужеству самого генерала Черняева, редут отстояли.

20 августа турки предприняли попытку овладеть редут у Горни Андروаца. Обороняли его войска под командованием всего две недели назад прибывшего в Сербию Николая Раевского. Здесь русские добровольцы и сербские солдаты стояли насмерть, Раевский погиб на этом редуте уже после окончания ожесточенного боя, когда турки отходили. Смерть была мгновенной — пуля попала в висок. И если под руководством Раевского сербы выдержали на этом направлении все атаки врага, то через два часа после его гибели они оставили редут. В 1902 году мать Раевского построит на месте гибели сына церковь во имя Св. Троицы, вложив в её строительство почти всё свое состояние.

Понеся огромные потери в ходе боев 18–22 августа и поняв, что лобовыми ударами он ничего, кроме собственных колоссальных потерь, не добьется, Керим-паша тайно обошёл неприступные русско-сербские позиции и нанёс обходной удар. Черняев был уверен, что исправит положение контратакой, но среди сербов началась паника, и они побежали. В ожесточённом сражении у Горни Андруаца 2 сентября 1876 года объединённые русско-сербско-болгарские отряды потерпели тяжёлое поражение. . . С этого времени в сербской армии начинается заметное падение боевого духа, и ставка в борьбе против Турции делается в основном на подразделения русских и болгарских добровольцев, **В бою, как правило, русские и болгарские добровольцы отходили последними, зачастую гибли, оставляемые бегущими сербскими солдатами.**

Из вновь прибывших российских и болгарских добровольцев в сентябре 1876 года были сформированы две отдельные русско-болгарские бригады. Командовали ими офицеры русской службы — сербы подполковник Депрерадович и полковник Милорадович. Общее руководство было возложено на Келлера. Во время схваток в долине Моравы добровольцы русско-болгарских бригад Келлера одержали несколько побед над турками и их кавказскими наемниками.

В конце сентября 1876 года двадцатилетний Келлер был назначен начальником левого крыла третьего корпуса сербской армии. Это крыло действовало против талантливого турецкого полководца Осман-паши Непобедимого.

Под командованием Келлера находилось всего десять сербских и русских батальонов пехоты, один эскадрон конницы и десять орудий. Правда, вскоре к его силам были присоединены четыре русских батальона и один русский эскадрон из добровольцев князя Оболенского. Русские и болгарские добровольцы, несмотря на их самоотверженность в бою и безудержную храбрость, не могли существенно изменить положение. Под Горни Андровацем турки, создав колоссальное превосходство в силах, 17 октября 1876 года разгромили сербскую армию. Тем не менее, полностью её уничтожить не смогли именно из-за самоотверженных действий русско-болгарской бригады, которая до конца прикрывала отход разбитых сербских батальонов. **Почти половина добровольцев, участвовавших в этом сражении, пала в бою; практически все остальные были ранены...** Вскоре, 29 октября 1876 года, под Яхунисом турецкая армия нанесла очередное поражение сербам. И вновь основную тяжесть боев приняла на себя добровольцы. Командир русско-болгарской бригады полковник Меженинов на вопрос Черняева о подробностях сражения ответил: **“Все сербы убежали, все русские – убиты”**.

От полного разгрома Сербию спас ультиматум России, предъявленный Турции. Боевые действия приостановились, было объявлено перемирие, закончившееся мирным договором и, в конце концов, предоставлением независимости Сербии и Черногории.

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов И. С. Аксаков проводит огромную работу по помощи болгарским дружинам. Один из современников рассказывал: “Мне случилось быть на одном приеме у И. С. Аксакова. Помню, что голова закружилась от этой массы людей всякого звания, как поток, нахлынувшей в его приемную, и как сердце усиленно билось и умилялось от бесчисленных проявлений народного энтузиазма. Как вчера помню, этих старушек и стариков, на вид убогих, приносивших свои лепты для славянских братьев, в каком-то почти религиозном настроении, и в этой толпе заметил одну старушку, на вид старую, долго разворачивавшую грязненький платок, чтобы достать из него билет в 10 тысяч рублей”.

Вот где пригодились его связи с купечеством. Оружие, покупаемое в Германии, бесплатно провозилось в Одессу по железной дороге, где грузилось на пароходы. **Всё больше говорили, что освободительное движение славян получило в лице И. С. Аксакова своего Минина. Болгары называли своих ополченцев “детьми Аксакова”,** через Аксакова они получили, в частности, 20 тысяч винтовок, 12 крупновских пушек, даже военная форма ополченцев, так называемая “пехотная болгарка”, была придумана им.

Зимой 1878 года русская армия, сломив сопротивление турецких войск, стала продвигаться к Константинополю, и 19 февраля в Сан-Стефано был подписан предварительный мирный договор. Согласно ему, Болгария превращалась в самостоятельное княжество, Турция признавала независимость Сербии и Черногории. Но под давлением Англии и Австро-Венгрии русское правительство на Берлинском конгрессе согласилось на передачу Южной Болгарии под власть Турции. И. С. Аксаков рассматривал это решение как предательство. 22 июня 1878 года он выступил с необычайно резкой речью на собрании Московского славянского комитета, который к тому времени уже был подчинён контролю министерства внутренних дел, в расчёте, что его речь будет опубликована за границей, а в России будет известна “высшим мира сего, а мне только этого и нужно”.

И он был услышан. К примеру, чешская газета “Narodni Listu” писала: “Понятно поэтому каким справедливым гневом должен был воспламениться благородный дух Аксакова на те правительственные круги, на тех “духовных изменников” народа, которые по желанию чужеземной шайки, имеющей много представителей в русской демократии, старались лишить последнюю войну ее славянского характера, старались умалить значение по-славянски мыслящих военачальников и распространив в народе нерасположение к “войне вынужденной”. Тогда, после первых неудач русских войск под Плевной и в Армении, поднялся Аксаков, чтобы 8 октября 1877 г. в речи, которая сама была геройским подвигом, пристыдить этих людей “малой веры” и возбудить во всём русском народе, указав ему на великое призвание и его великие обязанности в славянском мире., новое богатырское воодушевление: **“Вперёд! Россия не может уступить, мы должны победить, ибо уступить значило бы отступить”**. И Россия, благодаря своим богатырям, которых Аксаков

увенчал венком своих феноменальных, полных красноречия и силы речей, действительно победила, а её чудо-богатырь Скобелев стал перед воротами Царьграда. Но тут зависть старых врагов России составила заговор против неё, “честный маклер” Бисмарк зло заплатил России за все ее благодеяния, а русская дипломатия, потеряв голову, позволила разорвать Свято-Стефанский мир (так они определяли для себя Сан-Стефанский мир). Кто не знает и не помнит эту монументальную речь Аксакова в час Берлинского конгресса? Как ветхозаветный пророк, который презирает опасности и гнев властителей и провозглашает миру истину, как ему велит сердце, так тогда протестовал именем русского народа его геройский мыслитель и учёный против этого деления Болгарии, против этого унижения русской славы, против этой задержки славянства в его кровью добытом развитии”.

Сербский листок “Драшков Рабош”, выходящий в Сплите, ещё глубже осветил суть проблемы: “Он первый воздвиг невидимую плотину, чтобы греко-славянский мир не потонул в мире германо-римском. Первый отмежевал Восток от Запада. Служил народу и вере славянской с ревностью апостола, более всего проникнутый духом Св. Первоучителей Славянских...”

Речь И. С. Аксакова произвела большое впечатление. Как писал А. Никольский в “Историческом вестнике”, “и хотя Славянское общество было тогда закрыто, и сам И. С. Аксаков был выслан из Москвы в деревню, но Берлинский трактат был принят Россией не в той оценке, какую дали ему наши дипломаты, а в той, какую дало ему патриотическое проклятье Аксакова...”. Особый резонанс эта речь получила в славянских странах. **Была даже выдвинута идея предложить Аксакову болгарский трон.**

Вынужденное молчание И. С. Аксакова дорого обошлось России: как свидетельствовало “Новое время”, “после прекрасной речи о Берлинском трактате Аксаков должен был замолчать, а бывшие министры внутренних дел преследовали всякое проявление русской мысли. В эти десять лет молчания в русском обществе народились самые вздорные идеи нигилизма... Деятели в это время были люди, которым русская мысль, русское чувство были непонятны, хотя и носили некоторые славные русские фамилии, но в душе не принадлежали ни к какой национальности. Пошлость и умственная ничтожность этих людей были ясны для Аксакова, он указывал на трагические её последствия. Предостерегал...

Увы!..

Увы, не в лучшем, а в более худшем положении мы ныне, сто с лишним лет спустя. “Деятели в это время были люди, для которых русская мысль, русское чувство были непонятны”. Для нашего времени это мягко сказано. В годы революции, гражданской войны, коллективизации сколько-нибудь национально мыслящая интеллигенция была уничтожена или была вынуждена покинуть Россию. И в последние, даже относительно благополучные десятилетия XX века пресекалось все русско мыслящее. Выросли целые поколения русских, оторванные от корней. В 90-е годы во второй раз в XX веке в России победила откровенно нерусская власть, обслуживаемая откровенно антирусской русскоязычной интеллигенцией. Но не о ней сейчас речь. Речь о тех вроде бы русских по крови интеллигентах, кто духовно облагораживал, обустроивал и сейчас продолжает облагораживать новый режим – о так называемой народной интеллигенции, которая сама о себе бессовестно, впрочем, ещё в позапрошлом веке, придумала легенду, что она – совесть народа, не спросив народ, считает ли он так... За редким исключением, после некоторой растерянности она тоже бросилась угождать очередной антирусской, антироссийской власти, это тем более гнусно, что новая власть, в отличие от прежней, коммунистической, силой не заставляла этого делать, более того, не очень-то нуждалась в этом. И потому цинично-снисходительно принимала эти книксены.

Россия ныне стоит перед страшным, может быть, уже свершившимся выбором. Положение наше куда безнадежнее, чем большинству из нас представляется. Дело даже не в разрушенной экономике и разложенной армии. Дело гораздо глубже: в самые беспросветные поры гонения, в том числе при большевиках, Церковь была более Церковью, чем ныне. Не остались ли уже от неё лишь внешние обрядовые одежды? Не потому ли она так поддерживается нынешней властью? Определяя нынешнюю трагедию России, мы, невольно или специально смещая акценты и тем самым

уводя от истины, акцентируем на обнищании народа, половина которого в результате новой революции оказалась за чертой бедности. Но, во-первых, кто определял эту черту бедности, на самом деле, может, всё гораздо страшнее. А во-вторых, в этом смысле Россия знавала времена и пострашнее, но народ не рассматривал их как трагически-конечные. Потому как у него была внутренняя идея. Он знал, что это беда временная. Что у него есть будущее, которое, прежде всего, от него, народа, и зависит. Только надо на время, ради этого будущего, затянуть пояса. Народ русский ныне вымирает не от голода. Прямо скажем, голода в стране нет, это не более как трёп вчерашних партноменклатурных функционеров, народ вымирает от безнадёжности, бессмысленности своего существования, что его повели по чужим, не по русским путям-болотам не к русским конечным целям. Дайте ему надежду, верните ему национальную идею, о которой нынешние правители стесняются даже упоминать или сводят её к насыщенности рынка памперсами и сникерсами, и он накормит не только себя, но и, как раньше, ещё полмира. В России всегда коренным вопросом был вопрос земли. Сколько веков русский крестьянин мечтал о ней! И вот сейчас, пожалуйста, вроде бы бери её, сколько хочешь. А он не хочет брать. И не только потому, что в результате всех революций и контрреволюций истощены его жизненные силы, но и потому, что земля для него не просто предмет купли-продажи, а нечто более святое, а вот это святое у него и отобрали...

Большой духовной поддержкой для И. С. Аксакова было письмо Ф. И. Тютчева: "...и вот почему, дорогой Иван Сергеевич, Ваш "День", во что бы то ни стало, не должен ни на минуту сходить с нашего горизонта. Значение Ваше не в рати, а в знамени. Знамя это создаст себе рать, лишь бы оно не сходило с поля битвы. Не бросайте и не передавайте его – это моё задушевное убеждение".

Почему же случилось так, что как бы приговором его почти напрасной жертвенной жизни-свече стали слова: "феномен, но не сила", "знамя, но не рать"? Почему, как мы видим, даже великий русский пророк Ф. И. Тютчев не мог представить, предвидеть, призывая И. С. Аксакова не бросать, не передавать знамя, – что потом оно просто выпадет из рук и некому будет подхватить...

Удары по И. С. Аксакову наносились и слева, и справа, их наносили враги, та же уже народившаяся леволиберальная интеллигенция и, что совсем не парадоксально на Руси, свои, которые в чём только его не обвиняли. В том числе в отходе от славянофильских идеалов. Сам И. С. Аксаков понимал, что какое-то изменение первоначальной славянофильской идеи – неизбежно. Он превосходно это выразил в предисловии к "Биографии Ф. И. Тютчева": "Может потеряться из виду преемственная духовная связь между первыми деятелями и новейшими; многое, совершающееся под общим воздействием, но совершающееся в данную известную пору, при известных исторических условиях будет даже уклоняться, по-видимому, от чистоты и строгости некоторых славянофильских идеалов... Некоторые слишком поспешно определённые формулы, в которых представлялось иным славянофилам историческое осуществление их любимых мыслей и надежд, оказались или окажутся ошибочными, и история осуществит, может быть, те же начала, но совсем в иных формах и совсем иными неисповедимыми путями. Но, тем не менее, раз возбужденное народное самосознание уже не может ни исчезнуть, ни прервать начатой работы..."

1 марта 1881 года был убит царь Александр II.

Потрясённый, И. С. Аксаков на экстренном собрании Славянского благотворительного комитета выступил с речью: "...Это суд Божий творится над нами. Это сам Бог, живущий в истории, ниспосылает нам своё страшное откровение, перед Его лицом мы стоим, позванные к ответу... Какой же ответ мы даём, мы дадим?... Пусть, пусть испытует каждый сам свою совесть: нет ли и его доли участия в той скверне, за которую карает нас Бог и которую запятналась перед всем миром наша земля?"

Нечего себя обманывать. Мы подошли к самому краю бездны. Ещё шаг в том направлении, в котором с таким преступным легкомыслием мы двигались до сих пор – в кровавый хаос!.. Кто же дерзнул осквернить грехом русскую землю, осрамить, опозорить русский народ, да ещё во имя народа, и не только надругаться над ним, но и распорядиться его историческими судьбами?

Кто же они? Одна ли горсть злодеев — бессмысленных, лютых, одержимых демоном разрушения? Откуда же она завелась на нашей земле? **Спросим себя строго по совести, не есть ли она продукт той духовной измены, того отступничества от народности, в котором повинны более или менее мы все — так называемая интеллигенция?** Если она не что иное, как логическое, крайнее выражение того самого западничества, которым уже со времен Петра снедаемо как недугом и наше правительство, и наше общество, — которое искажает все отправления нашего государственного организма, ослабляет и уже ослабило живое творчество духовных начал, таящихся в глубине народного духа? Ибо мы не удовольствовались теми сокровищами знания и науки, которыми богата Европа, но и приобщились самому её духу, воспитанному в ней её историей, её религией, — сотворили из неё себе кумира. Поклонились её богам, устремились к её идеалам. Мы отвернулись от своей трапезы, пошли на пир чужой, и вот вкушаем и похмелем в чужом пиру! На кого же сетовать?..”

“Великая” русская интеллигенция, уходя от ответственности, привыкла искать причины российской трагедии в ком и в чём угодно, только не в себе, только вовне, в том числе в происках “жидомасонства”. Так легче договориться со своей совестью. И. С. Аксаков же прямо сказал: нельзя путать следствие с первопричиной. А первопричина — это, прежде всего, отпадение русской интеллигенции от Бога. Он писал: “Но христианин не может просто перестать быть христианином; он то и дело будет бороться со своим бывшим Богом и в самом себе и вокруг себя; он не перестанет вечно бунтовать против начала, которым проникнуто всё существо исторических современных обществ, бунтовать — непременно озлобленно — везде и всюду. Попирать всё, что этим началом освящалось в мире. Поэтому окончательный удел всякого христианского, отрешённого от Бога общества — бунт и революция. Но бунт ничего не созидает, и общество, положившее революционный принцип в основание своего развития, должно неминуемо, от революции к революции, дойти до анархии, до совершенного самоотрицания и самозаклания...”

Он далеко видел. Я уже упоминал послание-предостережение “К сербам”. Перечитывая его ныне, поражаешься: писавшие его предвидели будущую сербскую трагедию конца XX века, вызванную в том числе и обольщением первых побед и национальной гордостью, опасно переросшей в национальную гордыню. Увы, это послание оказалось не услышанным: “Народ сербский, внушивший уже почтение другим народам, не унизит никогда своего достоинства. Но мы знаем, что после испытаний, через которые вы уже прошли, предстоят вам другие испытания, не менее опасные... Свобода, величайшее благо для народов, налагает на них в то же время великие обязанности; ибо многое прощается им во время рабства, ради самого рабства, и извиняется в них бедственным влиянием чужеземного ига. Свобода удваивает для людей и для народов их ответственность перед людьми и перед Богом. С другой стороны, счастье и благоденствие преисполнены соблазна, и многие, сохранившие достоинство в несчастьях, предались искушениям, когда видимое несчастье от них удалилось и, заслужив Бога наказание, навлекли на себя бедствия хуже тех, от которых уже избавились. Всякие внешние и случайные несчастья могут быть легко побеждены. Часто же, испытывая народную силу, они ещё укрепляют и воспитывают для будущей славы; но пороки и слабости, вкравшиеся в жизнь и душу народа, раздваивают его внутреннюю сущность, подрывают в нём всякое живое начало, делаются для него источником болезней неизлечимых, готовят ему гибель в самые, по-видимому, цветущие его годы благоденствия и преуспевания. Поэтому да дозволено будет нам, вашим братьям, любящих вас любовью глубокой и искренней и болеющим душевно при всякой мысли о каком-либо зле, могущем вас постигнуть, обратиться к вам с некоторыми предостережениями и советами... Мы старше вас в действующей истории, мы прошли более разнообразные, хотя не более тяжёлые, испытания и просим Бога, чтобы опытность наша, слишком дорого купленная, послужила нашим братьям в пользу, и чтоб наши многочисленные ошибки предостерегли их от опасностей, часто невидимых и обманчивых в своем начале, но крайне губительных в своих последствиях; ибо опасности для всякого народа зарождаются в нём самом и истекают часто из начал самых благородных и чистых, но не ясно осознанных, или слишком односторонне развитых...”

Первая и величайшая опасность, сопровождающая всякую славу и всякий успех, заключается в гордости...”

Все, что мы ныне имеем со славянами и между славянами, всё, что мы ныне имеем с Россией, печальный результат и того, что век с лишним назад не прислушались к И. С. Аксакову. Мы его по-настоящему не прочитали. Он уже тогда явственно видел, какие беды могут встать перед нами, если мы, славяне, не просто будем врозь, а если нас к тому же разделит гордыня или взаимная подозрительность. Об этом в то же время с горечью писал и другой великий славянин, Ф. М. Достоевский: “Но, увы, чуть ли не вся интеллигенция райи (райа — презрительная кличка христианских подданных Оттоманской империи, буквально: стадо. — М. Ч.) хоть и зовёт Россию на помощь, но боится её, может быть, столько же, сколько и турок: “Хоть и освободит нас Россия от турок, но поглотит нас и, “больной человек”, не даст развиваться нашим национальностям” — вот их неподвижная идея, отравляющая все их надежды! А сверх того у них и теперь уже сильней разгораются между собой национальные соперничества; начались они, чуть лишь просиял для них первый луч образования”. И результатом этого национального соперничества — братский жутко-кровавый развал Югославии. И ещё: “Выгода России не в захвате славянских провинций, а в искренней и горячей заботе о них и покровительстве им. В братском единении с ними... Одной материальной выгодой, одним “хлебом” — такой высокой организм, как Россия, не может удовлетвориться. И это не идеал и не фраза: ответ на это — весь русский народ и всё движение его в этом году. Движение почти беспрецедентное в других народах по своему самоотвержению и бескорыстию, по благоговейной религиозной жажде пострадать за правое дело... Славянское дело во что бы то ни стало должно было наконец начаться... Но если уж началось славянское дело, то кто, как ни Россия, должна была встать во главе его. В том назначение России... Русские уйдут, но великая идея останется. Великий дух русский оставит следы в их душах — и на русской крови, за них пролитой, вырастет и их доблесть. **Ведь убедятся же они когда-нибудь, что помощь русская была бескорыстная и что никто из русских, убитых за них, и не думал их захватывать!**”

Боже мой, теперь-то, через сто с лишним лет, неужели братья-славяне не убедились, что помощь русская была бескорыстной?! Но режет кому-то глаза эта великая очевидность: мне показывают одну из российских демократических газет со статьёй, цинично доказывающей, что не было никакого освободительного похода на Балканы, была обыкновенная российская экспансия...

О, как боятся они, ликующие ныне победу, хоть каких-то ростков нового славянского единения! Кляпом в горле, который так хочется проглотить, у них сегодняшняя Белоруссия. И только это уже доказывает, что славянский союз нужен. Как они боятся исторически сложившегося в границах России евразийского союза! Более того, они лучше нас представляют, что это за великая нравственная и геополитическая сила, удерживающая Россию от окончательного распада: глубоко русская, глубоко православная семья Аксаковых, выразившая суть России, генетически восходит одновременно к славянам и тюркам и не случайно явилась миру на стыке Европы и Азии. И этнически ли чистый славянский союз спасал Русь и Россию в самые беспросветные времена? На этот вопрос в свое время ответили два славянина, два русских князя: Александр Невский и Даниил Галицкий. Русь, Православие спас униженный союз с Золотой Ордой, которая посягала на всё, но, в отличие от вроде бы христианского Запада, не посягала на Веру. И на Чудском озере, после которого князь Александр стал Невским, нам помогли “татарове”, и в Куликовской битве Русь в смертельной битве схватилась не с Золотой Ордой, в чём нас до сих пор пытаются убедить наши историки-западники, а вместе с Золотой Ордой — с все тем же, до сих пор при всяком удобном случае смертельно жалящим, в свое время отпавшим от Православия католическим Западом.

* * *

Особенно трудными были последние годы И. С. Аксакова, он видел трагическую невозможность хотя бы частичного воплощения своих идеалов, и, как следствие, — чувствовал приближение великой беды. В декабре 1885 года нависла угроза закрытия его последней газеты “Русь”. 26 января 1886 года он писал одному из своих корреспондентов: “Как трудно живётся на Руси!.. Есть какой-то нравственный гнёт, какое-то чувство нравственного измора,

которое мешает жить, которое не даёт установиться гармонии духа и тела, внутреннего и внешнего существования, фальшь и пошлость нашей общественной атмосферы и чувство безнадежности, беспроглядности давят на нас...

Ныне в воздухе витает некая приторная идеализация дореволюционной России: **якобы благоденствовала там, пусть с некоторыми издержками, гармония между царской властью, Церковью и народом, иначе говоря: Самодержавие, Православие и Народность.** Но, увы, это был лишь иллюзорный идеал, но далеко не действительность. Читая беспощадно честного Ивана Сергеевича Аксакова, мы торопливо пробегаем по этим страшным строкам, своего рода приговору, не вдаваясь в глубинный смысл их, не стремясь определить суть, причины этого нравственного гнёта, нравственного измора, чувства безнадежности и беспроглядности, которые давят нас и сегодня.

Случайно ли, что эти слова-приговор были последними в его жизни? На следующий день его не стало. Не от этой ли безнадежности он умер? Не стало человека, суть которого можно выразить цитатой из сербской газеты "Застава": "Если бы мы жили при более благоприятных обстоятельствах, Аксаков, без сомнения, простёр бы свою любовь на всё человечество". Хотя в то же время кто-то из современников говорил, что он чувствует себя русским в трёх случаях: когда слушает древние песнопения, когда слышит русскую народную песню, и когда читает статьи Ивана Сергеевича Аксакова...

Н. Н. Страхов после смерти И. С. Аксакова писал: "Ни одна из надежд, ни одно из задушевных желаний Аксакова не имеет впереди себя ясного будущего. Церковь осталась в том же положении; укрепление и развитие её внутренней жизни по-прежнему идёт шатко и медленно, и невозможно предвидеть, откуда появится поворот к лучшему. Славянские дела свидетельствуют, что духовное значение России не развилось, после подвигов, достойных Аннибала или Александра Македонского, мы вдруг с сокрушением видим, что старания иностранцев и их политическое и культурное влияние берет верх над той связью по крови, которая соединяет нас со славянами. Но ведь узел славянского вопроса заключается именно в нашей культуре, и если самобытные духовные и исторические силы наши не развиваются, если наша религиозная, политическая, умственная и художественная жизнь не растёт, то мы неизбежно должны отступить для славян на задний план, сколько бы мы крови ни проливали. Какая же для нас надежда в этой борьбе? Становясь грудью за единоверцев, мы должны спрашивать себя: не убывает ли в нас и в них та вера, в которой весь смысл дела и вне которой бесплодны все подвиги?.."

Увы, с ещё большей горечью эти слова можно повторить и сегодня, сто с лишним лет спустя.

Н. Н. Страхов далее писал: "Всё это, и лучше и яснее всякого, видел и чувствовал Аксаков. Потому больше чем когда-нибудь ему стало тяжело перед смертью. Не могу выразить, как изумили, как больно поразили меня несколько унылых слов, вырвавшихся у него в последних письмах, и тем сильнее поражавших, что выходили из уст такого богатыря. "Чувствуешь, — писал он, между прочим, — что настоящий переживаемый нами период — долгий период, и его ничем не сократишь". И вот ему не довелось пережить этот период. Смерть избавила его от этого страдания... Нет, для себя он вовремя умер. Благочестивые люди верят, что смерть всякого человека совершается не без соизволения Божия. И на этот раз мы как будто можем понять смысл этого соизволения. Аксаков довольно потрудился. И верный раб, наконец, был отпущен от своей работы. Что с нами будет? Конечно то, чего мы заслуживаем".

Сегодня, как никогда, злободневны слова, сказанные архимандритом Никифором Дучичем 8 марта 1886 года в Белграде на панихиде по почившему И. С. Аксакову: "Со смертью Ивана Сергеевича Аксакова угасла блестящая звезда на русском просторном небе, — звезда, какие и у великих народов, как русский, появляются лишь веками... Сияние этой блестящей звезды переходило за пределы русского царства и простиралось на края и земли южных и западных славян, оживляя и укрепляя их вековые надежды на свободу, исторические и народные права, пробуждая и развивая в них сознание духовного единства всех славян... Это та сила, которой трепещут противники славян, радующиеся раздору между ними и желающие им вечного рабства у чужеземцев, — силы, которой и врата адавы не одолеют, когда она разовьётся и окрепнет".